

DOI: 10.15372/HSS20210313
 УДК 94:323.2(47)"1964/1982"

¹В. ДЕННИНГХАУС, ²А.И. САВИН

«СЕКРЕТ, ЗАВЕРНУТЫЙ В ТАЙНУ»: ЗДОРОВЬЕ ЛЕОНИДА БРЕЖНЕВА КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА*

¹Институт истории и культуры немцев в Северо-Восточной Европе
 при Гамбургском университете (Норд-Ост Институт),
 ФРГ, 21335, г. Люнебург, Линденштрассе, 31
²Институт истории СО РАН,
 РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируется роль здоровья генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева как важнейшего элемента функционирования государственного механизма СССР. На основании широкого круга источников, в первую очередь записей секретарей приемной Брежнева, а также рабочих и дневниковых записей самого Брежнева, авторы реконструировали состояние его здоровья в динамике и выявили значительные колебания работоспособности вождя, серьезно воздействовавшие на власть. Несмотря на усилия самого Брежнева, а также на то, что советская бюрократия в целом компенсировала «пробуксовки» и даже временный выход вождя из строя, специфический механизм власти в СССР, начиная со второй половины 1970-х гг., все чаще давал сбой. Необходимость трудиться «на износ» стала личной трагедией больного и стремительно дряхлеющего Брежнева.

Ключевые слова: Л.И. Брежнев, СССР, вождь, здоровье, болезни, работоспособность, государственный механизм, политическая власть.

¹V. DÖNNINGHAUS, ²A.I. SAVIN

“A RIDDLE WRAPPED IN A MYSTERY”: HEALTH OF LEONID BREZHNEV AS AN ELEMENT OF STATE APPARATUS

¹Nordost-Institut (IKGN e. V.) an der Universität Hamburg,
 31, Lindenstraße, Lüneburg, 21335, BRD
²Institute of History, SB RAS
 8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article analyzes the role of health status of Leonid Brezhnev, General Secretary of the Central Committee of Communist Party of the Soviet Union and the Chairmen of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, as the state apparatus major element in the USSR. Using numerous sources, including notes and diaries of Brezhnev himself, notes of Brezhnev's secretaries, memories of Brezhnev's political companions, doctors and family members, the authors have reconstructed the dynamic changes in the health status of Brezhnev, and what way these changes impacted his work efficiency. Despite the fact that Brezhnev came to power already burdened by diseases and bad habits, his first decade as the Soviet Union leader was very fruitful. This conclusion contradicts an established historiographical opinion that Brezhnev belonged to a type of a quite healthy, but lazy leader, who could not and did not like to perform the state and party leader duties, trying to evade them at every opportunity. The last seven years of Brezhnev's rule are characterized by a sharp deterioration in health status that led to the alternating periods of decline and rise of Brezhnev's work efficiency, which severely affected entire state apparatus. Despite the efforts of Brezhnev himself and the fact that Soviet bureaucracy managed to mostly compensate the periods of “stalling” and even the temporary unavailability of the leader, the USSR's specific power mechanism started to malfunction during the second half of 1970s. Another consequence of Brezhnev's decreased performance was the delegation of significant political power to the group of companions led by Yuri Andropov and Konstantin Chernenko. Having occupied the state head post almost for life, being the leader of socio-political system, which actually did not have mechanism for a legal change of power, except for the death of a predecessor, sick and decrepit Brezhnev had to work hard and remain “a leader” until his death, including at the cost of drug addiction.

Key words: L.I. Brezhnev, USSR, leader, health, illnesses, work efficiency, state apparatus, political power.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00218.

Деннингхаус Виктор – д-р ист. наук, заместитель директора Норд-Ост-Института при Гамбургском университете (г. Люнебург, Германия), e-mail: v.doenninghaus@ikgn.de, <https://orcid.org/0000-0003-4900-6123>

Андрей Иванович Савин – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: a_savin_2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0242-5067>

Victor Dönninghaus – Doctor of Historical Sciences, Nord-Ost-Institut (Lüneburg, Germany).

Andrey I. Savin – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

«Говорят, что умер Мао», – записал в своем рабочем дневнике 9 сентября 1976 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев [1, с. 683]. В слове «говорят» просквозила неуверенность Брежнева в факте смерти его многолетнего оппонента. Но в этом «говорят» прозвучало еще одно: осознание и сопричастность тайны, окутывавшей человеческое, интимное бытие вождя в авторитарных системах государственной власти. У Черчилль, любитель образно выражаться, в 1939 г. определил Советский Союз как «секрет, завернутый в тайну, скрывающую в себе загадку»¹. Одним из важнейших государственных секретов в СССР являлось здоровье высшей партийной и государственной элиты. Ведь одна только мысль о болезнях вождей, человеческой стороне их бытия десакрализовала их в глазах народа, сводила с Олимпа и уравнивала с простыми людьми.

Написав о смерти восьмидесятилетнего Мао Цзэдуна, семидесятилетний Брежнев наверняка тогда подумал и о себе. Ощущая себя фигурой исторического масштаба, Брежнев, наверняка, понимал, что его физическое здоровье с каждым днем, месяцем и годом будет приобретать все большее значение для судеб СССР и социалистического лагеря в целом. Такой вызов был по плечу только сильному человеку. В какой мере Брежневу удалось с ним справиться, как его здоровье влияло на функционирование государственного механизма – вот главные вопросы, на которые призвано ответить данное исследование.

Основными источниками являются рабочие и дневниковые записи самого Брежнева, записи секретарей его приемной за апрель 1965 г. – ноябрь 1982 г., воспоминания политических соратников, иностранных политических деятелей, врачей, родных и близких.

ПРЕДЫСТОРИЯ:

ЗДОРОВЬЕ И КАРЬЕРА БРЕЖНЕВА ДО 1964 г.

Сталинским кадрам были жизненно необходимы не только знание марксистско-ленинской теории и лояльность вождю, но и хорошее здоровье. Специфический образ жизни, нервные нагрузки и страх вызывать гнев кремлевского начальства не могли не отражаться на физическом состоянии партийно-советской элиты [2, с. 80–81]. Брежнев, который начал свой головокружительный подъем по карьерной лестнице в 1930-е гг., не составлял здесь исключения.

О здоровье молодого Брежнева мы знаем мало: известно, что он переболел тифом зимой 1920/21 г.

[3, с. 3], занимался тяжелой физической работой – трудился кочегаром на заводе в городе Каменское² (Южная Украина), был призван – т.е. оказался физически годным – в армию в 1935 г. [4, с. 51, 58–59], прошел всю Великую Отечественную войну с первого до последнего дня, был ранен и контужен. Будучи еще относительно молодым человеком, Брежнев начал испытывать проблемы с сердцем. Биографы склоняются к тому, что первый инфаркт миокарда у него произошел весной 1952 г. [4, с. 94]. По свидетельству Виктории Петровны, жены Брежнева, инфаркт случился ночью, во время сна. «Вызвали [...] опытного врача, – вспоминала Виктория Петровна – Много уколов сделал. Позднее из Москвы прислали профессора-сердечника. Месяц не разрешали подниматься» [3, с. 66]. В июне 1957 г., уже в качестве хрущевского фаворита – секретаря и члена Президиума ЦК КПСС – Брежнев вновь оказался в больнице с микроинфарктом. По словам кремлевского врача Евгения Чазова, у Брежнева произошли некоторые изменения в сердце, «но они носили лишь очаговый характер» [5, с. 73–74].

Несмотря на проблемы со здоровьем, Брежнев выделялся высокой трудовой активностью. Его карьерные успехи в период правления И.В. Сталина, а позже и Н.С. Хрущева являются свидетельством того, что те ценили Брежнева не только за лояльность, но и за трудоспособность, умение решать в срок сложные задачи. В воспоминаниях Нины Хрущевой, жены Н.С. Хрущева, в которых сквозит открытая антипатия к Брежневу, она тем не менее процитировала мужа, который весьма лестно отзывался о рабочих качествах своего протеже: «Брежнев обладает характером, преданностью партии, [...] его уважают люди, с которыми он работает. [...] Когда восстанавливали “Дзержинку” в Днепропетровске, то Брежнев даже поставил свою кровать в конторе, чтобы не терять времени на переезды домой» [6, с. 290–291].

Виктория Петровна, вспоминая годы работы мужа в послевоенном Запорожье, отмечала: «Приходил домой к ночи. Усталый, задерганный, нервы перенапряжены до предела. И дома, прежде чем свалиться в постель, бесконечные звонки по телефону: кирпич, цемент, доски» [7, с. 422]. По ее мнению, именно из-за трудолюбия и усердности Сталин выделил Брежнева из общей массы своей гвардии: «Вызвал и сказал: “Хорошо работаете. Партия считает – можете руководить уже не областью, а целой республикой”» [7, с. 424]. Трудно сказать, насколько адекватно Виктория Петровна передала слова Сталина, но на Пленуме ЦК КП(б) Молдавской ССР в июле 1950 г. Леонид

¹ Выступление Уинстона Черчилля на радиостанции «BBC» в Лондоне, 1 октября 1939 г. URL: <http://www.churchill-society-london.org.uk/RusnEnig.html> (дата обращения: 2.09.2019).

² В 1936 г. г. Каменское (Каменский) был переименован в г. Днепропетровск.

Брежнев был охарактеризован Москвой в качестве кандидата на пост первого секретаря как «человек опытный, энергичный, моторный» [4, с. 84].

В Молдавии Брежнев продолжал работать на износ, подстраиваясь под специфический сталинский распорядок дня. По словам Аллы Моховой, его личного секретаря, он приходил на работу в 10 часов утра «и работал до 3, 4-х, иногда до 5 ночи»³. В июне 1952 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение – предоставить Брежневу внеочередной отпуск по состоянию здоровья. В феврале 1953 г. Президиум ЦК КПСС снова отправил его на два месяца в отпуск для лечения. Учитывая, что в те годы такие решения без острой надобности не принимались, уже на тот момент Брежнев был серьезно болен. Однако необходимость реабилитироваться в глазах кремлевского начальства вынуждает «сосланного» в Казахстан Брежнева работать в привычно высоком нездоровом темпе. Нелли Джадайбаева, личный секретарь Брежнева в Казахстане, утверждала, что будущий генсек нередко засиживался у себя в кабинете «до двух часов ночи»⁴. Работник сельхозотдела ЦК компартии Казахстана М.А. Жихарев, перебирая в памяти эпизоды своей совместной работы с Брежневым на целине, говорил о том, что тот не раз терял сознание от хронического недосыпания и оказывался на больничной койке [4, с. 84].

Эти свидетельства подтверждают и дневниковые записи Брежнева периода 1957–1964 гг. [8, с. 97–451]. Перечень обязанностей секретаря ЦК КПСС, постепенно, шаг за шагом забиравшегося на самую вершину власти, был весьма широк и разнообразен – от контроля запуска ракет и спутников до выбивания недостающих «комплектующих частей» для оборонных предприятий; рабочее время Брежнева при этом было не нормировано: «уехал домой в 9 ч. вечера» (20.01.1959); «работали до 9 ч[асов] 30 мин. вечера» (21.01.1959) и т.д. [8, с. 216]. Заметки в дневнике будущего генсека свидетельствуют о регулярных проблемах Брежнева со здоровьем и позволяют нам выделить целый спектр его заболеваний: «был у Лукомского [в больнице. – В.Д., А.С.] – осмотр [сердца. – В.Д., А.С.]» (27.05.1958); «был в клинике – спазм желудка» (10.02.1959); «был не здоров, очень болела нога» (2.05.1959) и т.д. [8, с. 121, 219, 250–251]. Наряду с обычным недомоганием Брежнев в своих записках выделяет и более серьезные перебои со здоровьем, вызванные стрессом: «был сердечный

приступ, почти на день вышел из строя» (2.04.1959) [8, с. 231]⁵.

В историографии сложилось устойчивое мнение, что Брежнев, придя к власти, являл собой тип достаточно здорового, но ленивого руководителя, старавшегося при любой возможности уклониться от возложенных на него тяжелых обязанностей главы партии и государства. Леонид Млечин, один из биографов Брежнева, характеризуя работоспособность третьего советского генсека, отмечает следующее: «[Он] не был привычен к большому объему работы и большим нагрузкам, да и не любил трудиться. [...] Ему хотелось только получать удовольствие от жизни» [4, с. 550].

В действительности Брежнев пришел к власти, обремененный целым грузом болезней и нездоровых привычек – курение, недосыпание, малоподвижный образ жизни [9, с. 54–58]. Однако, несмотря на это, в первые годы в Кремле он продолжал много и активно работать, что отнюдь не соответствует сложившемуся образу «ленивого вождя» и «работоспособной команды».

У ВЛАСТИ: ЗДОРОВЬЕ И РАБОЧИЙ ГРАФИК БРЕЖНЕВА В 1964 – 1974 гг.

Свою деятельность в качестве хозяина Кремля Брежнев начал в привычно высоком темпе. Как свидетельствуют записи секретарей приемной Брежнева, ежедневно фиксировавших передвижения своего шефа, он одним из первых приезжал на работу в 8.30 утра, и одним из последних – обычно в 23.00 часа ночи – покидал свой кабинет [10, с. 11–166]. Его секретари регулярно отмечали в записях «переработки» Брежнева, задерживающегося нередко и до начала следующего дня: «Уехал, как обычно, очень поздно» (3.05.1965); «Уехал домой в 12 ч[асов] 30 м[инут] ночи» (6.05.1965); «Уехал домой в 1 [час] 30 [мин.] ночи» (25.09.1965); «уехал в 2 [часа] 15 [мин.] ночи» (9.06.1966) и т.д. [10, с. 22–23, 70, 129]. Вслед уехавшему Брежневу посылались шифровки, письма и материалы, с которыми он должен был ознакомиться до начала нового рабочего дня. По всей видимости, уже в это время Брежнев начал страдать бессонницей и принимать снотворные препараты, чтобы отключиться от повседневных проблем, снять психическую нагрузку и забыться на несколько часов до следующего рабочего дня, переполненного событиями и встречами [11, с. 144–145].

Удивляет не только количество его телефонных переговоров и приемов (секретари даже не успевают проконтролировать абсолютно все звонки и всех по-

³ Интервью бывшей секретарши Брежнева в Молдавии Аллы Моховой // Комсомольская правда, 18.12.2006. URL: <https://www.kp.ru/daily/23826/61371/> (дата обращения: 2.09.2019).

⁴ Интервью бывшей секретарши Брежнева в Казахстане Нелли Джадайбаевой // Комсомольская правда, 20.12.2006. URL: <http://kp.ru/daily/23828.3/61468/> (дата обращения: 31.08.2019).

⁵ На заседании Президиума ЦК КПСС 2 апреля 1959 г. секретарь ЦК КПСС А.И. Кириленко публично оскорбил Брежнева, что вызвало у того сердечный приступ.

сетителей нового главы партии, фиксируя в журнале «неизвестных» лиц под грифом «и другие товарищи»), но и обязательность Брежнева, который персонально связывался с теми, кто изъявил желание с ним пообщаться, что документально подтверждают многочисленные записи его приемной. У него практически нет свободного времени: он ведет заседания Президиума ЦК КПСС и бюро ЦК КПСС по РСФСР, работает над своими докладами «один» и с «группой товарищей», руководит заседаниями Совета обороны, участвует в заседаниях Совета Министров СССР, сессий Верховного Совета СССР, Пленумов ЦК КПСС, Секретариата ЦК КПСС. Он лично проводит совещания с заведующими отделами ЦК и другими «ответственными работниками» партии и правительства, присутствует на демонстрациях и военных парадах, выступает с докладами на различных съездах и конференциях.

Без Брежнева не проходит ни один крупный митинг в столице, ни одно торжественное мероприятие государственного уровня. Он практически ежедневно принимает иностранные делегации, участвует в приемах глав государств и правительств, руководителей партий и просто известных персон. Независимо от времени суток генсек лично встречает и провожает своих гостей в аэропорту, сопровождает их в резиденции. Удивляет также динамика его передвижений по стране и за ее пределами. Только в 1966 г. Брежнев побывал в Краснодаре, Иркутске, Киеве, Владивостоке, Узбекистане, Грузии, Казахстане, Монголии, Румынии, Чехословакии, Болгарии, Югославии и Венгрии⁶. «Когда я встретил Леонида Ильича, это был молодой, активный, очень сильный политик, проницательный человек, который немало сделал для страны», — отмечал глава кремлевской медицины Е.И. Чазов, впервые встретившийся с Брежневым в начале января 1967 года⁷. «Я не переставал удивляться его темпераменту, энергии, физическим силам», — констатировал и В.Т. Медведев, личный телохранитель генсека [11, с. 74].

Документальные источники опровергают факт «щадающего режима» у Брежнева вплоть до середины 1970-х годов, который так любят приводить в качестве примера его «лености» некоторые биографы. Дневники приемной Брежнева, как и его личные записи, вплоть до конца 1974 г., свидетельствуют о весьма напряженном и нервном образе жизни генсека, работавшего почти ежедневно по 12 часов в сутки и более. За небольшими исключениями, у него не

было ни выходных, ни праздников, ни времени «для себя» после «пятого вечера». В свободные от работы дни Брежнев был вынужден оставаться на «боевом посту»: он регулярно перезванивался с сотрудниками своих приемных в ЦК КПСС и в Кремле; работал над докладами и письмами; получал «пакеты» с документами и шифровками, принимал гостей и т.п. Интенсивный рабочий график не позволял Брежневу расслабляться «по желанию и потребности», вызывал постоянную бессонницу и тревогу. «Усталый, он примерно за километр выходил из машины и, — вспоминал Медведев, — заложив руки за спину, молча шел до дачи пешком. [...] Это пешее возвращение продолжалось до последних лет, пока он совсем не ослаб» [11, с. 42].

В первые годы работы в Кремле даже в любимое охотничье хозяйство Завидово Брежнев наведывался редко, исключительно по субботам и воскресеньям, задерживаясь «на природе» не более чем на сутки. В Завидово Брежнев не только стрелял «зверя и птицу», но и в соответствии с записями его приемной совмещал приятное с полезным: ему направлялись «пакеты с газетами», документы, шифровки и пр. Несмотря на отдаленность от Москвы, с ним всегда могли связаться представители «ближнего круга» — члены Секретариата и Политбюро ЦК КПСС.

В начале своей карьеры в качестве «первого лица» Брежнев редко обращался к врачам. Первый серьезный «звонок», связанный с его здоровьем, прозвучал в августе 1968 г. Психическая нагрузка периода «Пражской весны», проведение многочасовых бесед и совещаний, постоянные встречи с делегациями и, по всей видимости, частый прием успокаивающих снотворных препаратов серьезно подкосили здоровье Брежнева. 25 августа 1968 г. во время проведения очередного совещания, у Брежнева, по сообщению личного врача Н.Г. Родионова, «нарушилась дикция, появилась ... слабость, [...] он был вынужден прилечь на стол» [5, с. 75]. Собравшийся консилиум врачей поставил диагноз — «гипертонический криз», предписав генсеку постельный режим [10, с. 279]. Всю неделю, предшествовавшую срыву, Брежнев работал в «чрезвычайном режиме» и днем и ночью, решая судьбу Чехословакии. Отголоском данного «криза» явилось двухмесячное пребывание Брежнева в клиническом санатории «Барвиха» с декабря 1968 г. по февраль 1969 года [10, с. 306–315]. Этим дело не ограничилось: генсек все чаще оказывался на больничной койке Центральной клинической больницы, наряду с летним отпуском все больше отдыхал также зимой, а в командировках получал от секретарей «пакеты с лекарствами». Несмотря на всю активность — регулярные звонки и встречи, работу с документами и многочисленные приемы, Брежнев уже не мог обходиться без врачебной помощи и процедур. Особенно

⁶ См. график поездок Леонида Брежнева в 1966 гг.: [10, с. 101–166].

⁷ Интервью бывшего начальника 4-го Главного управления Минздрава СССР Евгения Чазова // Коммерсант (Москва), 11.11.2002. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/350265> (дата обращения: 2.09.2019).

пострадал сон генсека, Брежнев стал приезжать на работу поздно, к обеду, иногда и к вечеру, допоздна задерживаясь в Кремле. Все чаще Брежнев прибегал к приему сильнодействующих успокаивающих и снотворных средств, что вызывало у него, по свидетельству врачей, «депрессию и вялость» [5, с. 113].

В 1972 г. Брежнев вновь надолго оказывается на больничной койке, а именно, после продолжительной поездки по восточным регионам СССР, которая длилась с 25 августа по 5 сентября 1972 г., в результате которой генсек посетил города Кокчетав, Барнаул, Красноярск, Новосибирск, Омск, Алма-Ату и Ташкент. Его состояние на сей раз было настолько плохим, что с 15 по 20 октября он вообще ни с кем не общался ни по телефону, ни лично. Почта, включая срочные шифровки, ему также не поступала. Только 27 октября 1972 г., через две недели после того как он попал на больничную койку, Брежнев первый раз позвонил в свою приемную, а с 10 ноября стал принимать «своих людей». В общей сложности Брежнев пробыл в больнице 46 дней (с 13 октября по 27 ноября 1972 г.) и прямо из больницы, заехав лишь на пару часов домой, вылетел с визитом в Венгрию.

Фактически до середины 1970-х гг. Брежнев, даже находясь на больничном, работал в прежнем режиме, т.е. оставался «здоровым» для «товарищей» из ЦК КПСС и партийных руководителей на местах, не говоря уже о простых смертных. Для непосвященных, да и для большинства представителей партийно-советской элиты больной Брежнев официально был «здоров и полон сил». Газеты, радио и телевидение только усиливали эффект вездесущего «великого Гудвина»: его имя не сходило с первых страниц, голос слышался из каждого радиоприемника и радиоточки, улыбающееся лицо ежедневно мелькало на телеэкранах. Мало кто знал, что Брежнев приезжал в Кремль из спецбольницы и, проделав все «ритуальные процедуры», снова отбывал на больничную кровать.

ПЕРЕЛОМНЫЙ 1975 Г.: НАЧАЛО КОНЦА БРЕЖНЕВА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПОЛИТИКА

«Теряя способность аналитического мышления, быстроту реакции, Брежнев все чаще и чаще не выдерживал рабочих нагрузок, сложных ситуаций», – так Чазов описывал состояние своего «главного пациента» в первой половине 1974 г. «Происходили срывы, которые скрывать было уже невозможно. Их пытались объяснять по-разному: нарушением мозгового кровообращения, сердечными приступами, нередко им придавали политический оттенок» [5, с. 127]. Так, по воспоминаниям бывшего президента Франции Валери Жискар д'Эстена, во время визита Брежнева во Францию в декабре 1974 г. советский лидер дважды пытался перенести время переговоров, ссылаясь на усталость [3, с. 54].

Конец ноября – начало декабря 1974 г. выдались крайне напряженными – встреча с секретарями крайкома и обкомов КПСС Дальнего Востока в Хабаровске, переговоры с президентом США Дж. Фордом, посещение Улан-Батора и поездка во Францию – и нервное перенапряжение Брежнева достигло своего пика. 26 декабря 1974 г. он оказался в больнице, встретив Новый год в лечебной палате [10, с. 691]. Некоторые свидетельства окружавших его людей, в первую очередь Чазова, проливают свет на недуг генсека. По словам кремлевского врача, уже в преддверии переговоров с Фордом, по пути во Владивосток, «Брежнев нервничал, был напряжен, злился на окружающих. [...] Тяжелейший срыв произошел в поезде, когда, проводив американскую делегацию, Брежнев поехал в Монголию с официальным визитом» [5, с. 128]. Подтверждает данную информацию и личный телохранитель генсека В.Т. Медведев: «В поезде [у Брежнева] произошло нарушение мозгового кровообращения, он впал в невменяемое состояние» [9, с. 111]. Врачам, по словам Чазова, «удалось компенсировать нарушенные функции здоровья в связи с астенией и депрессией», что позволило Брежневу продолжить поездку в Монголию, однако не остановило течения болезни [5, с. 128]. Конец 1974 г. стал не просто началом «динамического нарушения мозгового кровообращения» у генсека, а началом «смерти» Брежнева как самостоятельного политика. Именно с этого времени стали появляться различные мифы и рассказы о его клинической смерти, перенесенном сердечном заболевании, параличе и т.п. [11, с. 6]. Девятого февраля 1975 г. сотрудник ЦК КПСС А.С. Черняев отметил у себя в дневнике: «Болезнь Брежнева. Слухи о необратимости [его смерти] и о [его] приеме, по “голосам”⁸ и в народе» [12, с. 129].

Почти полтора месяца, которые Брежнев провел в кремлевской больнице в конце 1974 – начале 1975 г., не могли не встревожить партийный Олимп. 17 февраля 1975 г. состоялось экстренное заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором был заслушан вопрос «О режиме работы т. Брежнева Л.И.». Сухие строчки протокола подтверждают глубокую озабоченность партийной элиты состоянием здоровья генсека: «Все члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК КПСС единодушно высказали мнение о необходимости нормализации работы Генерального секретаря ЦК КПСС т. Брежнева Л.И. для устранения систематических перегрузок в работе и сохранения его здоровья в интересах партии и страны»⁹.

Дело даже не в том, что Брежнев с этого времени стал частым пациентом больниц и поликлиник, а в

⁸ Речь идет о западных радиостанциях, вещавших на СССР.

⁹ Выписка из протокола № 167 заседания Политбюро ЦК КПСС от 17 февраля 1975 года. // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1235. Л. 42.

практически полной потере интереса к своей работе. Так, за весь февраль 1975 г. генсек только семь раз посетил ЦК и Кремль [10, с. 696–699]. Резко сократилось число его телефонных переговоров, а главное – личных приемов. Круг общения Брежнева радикально сузился и ограничился преимущественно некоторыми членами Политбюро (А.П. Кириленко, Ю.В. Андропов, М.А. Суслов) и преданными ему помощниками (А.М. Александров-Агентов, Е.М. Самойкин и К.У. Черненко). Теперь из его графика практически исключались встречи и беседы с персонами из «второго эшелона». Именно с этого времени Брежнев отходит от активного участия в серьезных внешнеполитических вопросах, прежде всего в отношениях с США. Фактически все руководство переговорами по ограничению стратегических вооружений с 1975 г. перешло в компетенцию министра иностранных дел А.А. Громыко [13, с. 74, 272–273].

Теперь Брежнев приезжал в Кремль и ЦК только на заседания особой важности либо на приемы особо высокопоставленных гостей. У него, как свидетельствуют дневники приемной, не осталось ни желания, ни сил встречаться, а тем более вести беседы даже с представителями партийной элиты с мест, которую он лично опекал все предшествующие годы. Впервые был отменен ритуальный прием генсеком первых секретарей ЦК компартий республик, областных и краевых партийных организаций после проведения апрельского Пленума ЦК КПСС 1975 г. [10, с. 706]. Юбилейные празднования Дня Победы, которые Брежнев не мог пропустить из-за их политической важности, снова закончились для него больничной койкой, на которой он пролежал почти целый месяц [10, с. 709–711]. Состояние здоровья Брежнева в первой половине 1975 г. настолько ухудшилось, что он перестал бывать даже в Завидово, оставаясь почти все время на даче в Заречье. Летний отдых в Крыму (6.08.–28.08.1975) Брежнев провел без телефонных звонков и особых указаний. Только члену Политбюро М.А. Суслову удалось однажды переговорить с ним по «вертушке» [10, с. 721–723]. Документы особой важности, в соответствии с записями его секретарей, поступали к Брежневу в весьма ограниченном количестве. 11 сентября 1975 г. Черняев занес в свой дневник: «Все заметнее недееспособность Брежнева. Вернулся из отпуска еще 29 августа, но нигде не появился, и в ЦК его не чувствуется. А поскольку все сколь-нибудь существенн[ые] [дела] замкнут[ы] на него, дела стоят» [12, с. 165].

Основная организационная работа брежневской приемной целиком замкнулась на К.У. Черненко – заведующем общим отделом ЦК КПСС, включая принятие решений о допуске «к телу» генсека или прямым звонке на его личный телефон. «Такое ощущение, что Генеральный [секретарь] почти недееспоспо-

бен, – отметил Черняев у себя в дневнике 20 ноября 1975 г. – «Помощники – [...] никакого выхода, даже телефонного на него не имеют. Члены П[олит]б[юро] и секретари – только через Зав[едующего] Общим отделом Черненко. Велено „не тревожить“» [12, с. 185].

ЗДОРОВЬЕ И РАБОТОСПОСОБНОСТЬ БРЕЖНЕВА В 1976–1982 гг.

После перенесенной Брежневым болезни секретари его приемной стали весьма скупко писать о распорядке дня своего шефа, не особо вдаваясь в подробности, чем он конкретно занимается. В целом складывается впечатление, что информация к Брежневу стала поступать дозированно, небольшими, заранее подготовленными порциями, как и число допущенных «со стороны» звонков. Сам Брежнев в это время все реже пользуется «личным телефоном», неотъемлемым инструментом власти, так любимым им в предыдущие годы. Круг его общения ограничивается главным доверенным лицом – Черненко, с которым он общается почти каждый день «в живую» или по телефону, а также личными помощниками [13, с. 270–271; 14, с. 63].

После проведения XXV съезда КПСС (24 февраля – 5 марта 1976 г.) и последовавшего «нервного срыва» Брежнев вновь попадает на «отдых» в кремлевский санаторий «Барвиха», где он пробыл почти два месяца, практически не принимая посетителей и избегая телефонных переговоров¹⁰. Начиная с 1976 г., Брежнев все чаще упоминает в дневниковых записях о состоянии своего здоровья, о посещении врачей и медсестер, пребывании в поликлиниках и больницах. Сведения о состоянии здоровья Брежнева имеют прямую корреляцию с его личными дневниковыми записями, в которых зафиксирован специфический распорядок дня генерального секретаря ЦК КПСС: «Никому не звонил. В 11 часов дня сел за руль и поехал [на дачу] в Завидово. Хорошо поплавал на лодке, убил 3-х уток [...] Не выдержал, съездил в лес» [1, с. 627], (15.05.1976); «Никуда не ездил – никому не звонил. Мне тоже [...] [никто не звонил]. Утром стригся, брился и мыл голову. Днем немного гулял [...]. Смотрел как ЦСК проиграл Спартак» [1, с. 627] (16.05.1976); «Брился в Кремле – стригся и мыл голову» [1, с. 631] (24.05.1976); «День работы на дому» [1, с. 632] (26.05.1976); «Выходной день – Суббота. Ездил по вопросам дачи [...]» [1, с. 632] (29.05.1976); «Был в Завидово с т[оварищем] К.У. Черненко. Убил 8 штук [кабанчиков. – В.Д., А.С.]» [1, с. 632] (30.05.1976); «Примерка и прием костюмов. Был вечером у [зубных врачей. – В.Д., А.С.]

¹⁰ Так, к примеру, 12, 17, 20, 21–22, 24–25, 27–29 марта, 2, 8, и 17 апреля 1976 г. Брежнев вообще не сделал ни одного (!) звонка по телефону. См.: [10, с. 756 – 761].

Музы Владимировны и Вал. Александровны» [1, с. 639] (26.06.1976); «Отдыхал – плавал – играл в домино. Смотрел кино» (1, с. 645); «Работал с Дорошиной над шифровками, не кончил – уехал смотреть телевизор» [1, с. 765–766] (28.03.1977) и т.д. Начиная с 1976 г., в дневниках Брежнева появляются регулярные записи о массажных процедурах, прогулках на свежем воздухе, заплывах в море и бассейне. С апреля 1977 г. он начинает скрупулезно следить за своим весом, помечая практически ежедневно его малейшие изменения в дневнике: до плавания, после плавания, в одежде и «голым» [1, с. 772–773, 804, 812].

В целом работоспособность Брежнева в последние годы на посту генсека можно оценить как волнообразную – активность сменялась апатией, которую он пытался вытеснить охотой и развлечениями. Тандем Брежнев–Черненко работал все более слаженно: Черненко готовил и «подкладывал» на подпись все нужные документы, а Брежнев их визировал. Без Черненко не обходилось ни одно заседание Политбюро ЦК КПСС, которые тот досконально подготавливал для своего шефа.

Тенденция угасания работоспособности Брежнева, четко проявившаяся после 1975 г., постепенно набирала обороты, лишь изредка сменяясь высокой активностью. Брежнев все чаще стал поздно приезжать на работу и рано уезжать домой, большую часть времени проводил у себя на даче. Круг телефонный переговоров, за исключением традиционных «обзвонов» первых секретарей в период сева и уборки урожая, резко сузился, как и число личных приемов, на которые попадали только близкие ему люди. Основные его обязанности зачастую ограничивались только проведением регулярных заседаний Политбюро, длительность проведения которых постоянно сокращалась – с нескольких часов до 45 минут. «Всем было видно, – вспоминал его помощник Александров-Агентов, – что Брежнев думает только об одном: как бы поскорее закончить и уехать на отдых, в Завидово» [13, с. 273].

Как правило, о звонках недостаточно важных персон Брежневу перестали докладывать или о них сообщалось после третьего, четвертого звонка-напоминания (это зависело от настойчивости просителя), что, однако, не гарантировало обратной связи с генсеком. Не составляли исключения даже телефонные звонки председателя Совета министров А.Н. Косыгина: о некоторых из них Брежневу вообще не докладывали, а иные просто «зависали» на неопределенное время. Так, к примеру, выглядел график общения генсека и «премьер-министра» в январе 1977 г.: 7 января Косыгин позвонил Брежневу в приемную, а 10 января, т.е. только через три дня, генеральный секретарь удосужился ему перезвонить [10, с. 806]. 18 июня 1977 г. Черняев отметил у себя в дневнике: «Содержание бе-

сед Брежнева, а также кого и когда он примет, определялось всесильными членами Политбюро – Сусловым, Устиновым, Андроповым, Громыко и помощниками, главным образом – Александровым» [12, с. 286].

Изменение методов работы главы партии подтверждает и сам Александров-Агентов, курировавший 21 год в качестве помощника генсека область внешней политики: «Когда Брежнев стал уже совсем болен [...] он передоверил формирование внешнеполитической части этих проблем по существу «тройке» в составе Громыко, Андропова и Устинова» [13, с. 269–270]. Внутриполитические вопросы курировали Н.А. Тихонов, М.А. Суслов, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов и К.У. Черненко. Это четко подтверждают как записи секретарей брежневской приемной, так и многочисленные свидетельства. Единственной сферой, которую генсек продолжал контролировать лично, оставался подбор кадров. Именно в это время в составе руководящих органов партии появилось множество различных «комиссий Политбюро», которые под руководством одного из членов Политбюро детально рассматривали все необходимые вопросы, формулировали проекты решений по ним, а фактически «предreshали эти решения».

Волнообразное состояние здоровья генсека (апатия – активность) отмечали все люди из ближнего окружения Брежнева. Так, 24 мая 1977 г. Черняев записал в дневнике: «Пленум ЦК. Брежнев бодрый и подтянутый. Доклад его о проекте Конституции был деловой и ясный» [12, с. 280]. Однако уже 1 июня 1977 г. он фиксирует совершенно противоположное: «Брежнев опять в такой форме, что может лишь прочитать написанное большими буквами» [12, с. 283]. Подобные пертурбации со здоровьем генсека отмечал и В.Т. Медведев: «Смотришь на него и не узнаешь. Еще час назад еле-еле двигался на даче, а тут – бодрый, даже молодцеватый. У него был огромный запас внутренних сил и энергии, его умению преображаться на людях удивлялись даже врачи» [11, с. 63].

Из депрессии, как правило, Брежнева выводили награды и присвоение очередных званий. Так, вручение 10 мая 1976 г. маршальской звезды сразу вызвало «второе дыхание» у 70-летнего генсека, что выразилось не только в многочисленных выступлениях в маршальском мундире и даче пространных интервью, но и в работе с рутинными документами, приемах первых секретарей обкомов и крайкомов КПСС, проведении заседаний Политбюро. 20 февраля 1978 г. Брежневу был вручен высший военный орден «Победа», что вновь пробудило у него интерес к политической жизни: он стал активно выступать с многочисленными речами, принимать участие в приемах, праздничных торжественных заседаниях, спортивных праздниках, разъезжать по стране и за ее пределами [15].

Не последнюю роль в смене апатии на активность у генсека играла и его «наркотизация», связанная с приемом лекарственных препаратов, первоначально призванных решить проблему бессонницы, мучавшей генсека¹¹. В дневнике Брежнева имеются закамouflированные свидетельства передачи лекарственных средств генсеку представителями близкого окружения, включая главу КГБ Андропова¹². Брежнев тщательно фиксирует в своем дневнике все, что связано с «наркотическими» медикаментами и прибытием «пакетов» с таблетками вплоть до последних дней своей жизни: «Говорил с Чазовым – о снотворных» [1, с. 900] (13.03.1978); «Разговаривал с Черненко о снотворном» [1, с. 929] (27.12.1978); «Говорил с Андроповым [...] лекарство. Цвигун Семен Кузьмич – принес» [1, с. 953] (15.05.1979); «Получил желтенькие [таблетки] по 28-е включительно» [1, с. 1122] (19.12.1981); «Получил от Ю.В. [Андропова] – желтенькие [таблетки. – В.Д., А.С.]» [1, с. 1136] (25.01.1982) и т.д. Эти записи являются бесспорным свидетельством личной трагедии Брежнева.

Складывается впечатление, что к концу 1970-х гг. он прекрасно понимал, как мало времени ему осталось жить и пытался успеть «оставить свой след»: давал различные интервью для газет и телевидения, принимал иностранных политиков, бесконечно вручал правительственные награды «своим товарищам». Основным интересом генсека оставался космос – запуск ракет, стыковки, технические новшества, за которыми Брежнев внимательно следил, даже будучи совершенно больным.

В это же время у Брежнева проснулась любовь не только к «хлебу» (торжественным обедам и приемам), но и к зрелищам: он стал регулярно выезжать в цирк, на различные концерты во Дворец съездов, посещать футбольные и хоккейные матчи и даже бывать на балете. После ноябрьского пленума ЦК КПСС 1979 г. и сессии Верховного Совета СССР (28–30 ноября 1979 г.) Брежнев вообще не принял ни одного из секретарей обкомов, записавшихся к нему на прием, а уехал на охоту [10, с. 958–959]. Нужно заметить, что и подготовка к вводу советских войск в Афганистан сопровождалась регулярными поездками Брежнева на охоту и посещением многочисленных хоккейных матчей в Лужниках¹³.

¹¹ См. воспоминания личного телохранителя, зам. начальника охраны В.Т. Медведева о «наркотизации» Брежнева медицинским персоналом и о роли ближайшего окружения генерального секретаря в этом процессе: [11, с. 143–154]. Ср.: [14, с. 68–69].

¹² Интервью бывшего начальника 4-го Главного управления Минздрава СССР Евгения Чазова. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/350265> (дата обращения: 2.09.2019).

¹³ См. график поездок Брежнева на охоту в «Завидово» и на стадион «Лужники» с 1 по 19 декабря 1979 г.: [10, с. 959–962].

Благодаря дневниковым записям становится ясно, что Брежнев прекрасно понимал всю трагичность своего положения, но был вынужден продолжать исполнять многочисленные партийно-государственные ритуалы. Вместе с тем престарелый генсек еще пытался бороться. Готовясь к выступлению на XXVI съезде КПСС и прекрасно понимая, что ему будет очень сложно выдержать многочасовую нагрузку, Брежнев «обкатывал» свою речь в пустой аудитории Кремлевского дворца съездов. «Пробовал говорить в зале Кремля», – аккуратно записал он в свой дневник 21 февраля 1981 г. [1, с. 1063].

Брежнев в меру сил продолжал стараться, чтобы ухудшение его здоровья не вызывало сбоев государственной машины по меньшей мере в жизненно важных вопросах, таких как продовольственный. С мая 1981 г. его секретари по личному поручению Брежнева начинают регулярно обзванивать все обкомы и республиканские ЦК на предмет «будущего урожая». Ранее эту функцию Брежнев не доверял никому. Теперь же его секретари «по поручению Л. И.» требуют от мест сведений о состоянии озимых посевов и дождях, прошедших за последние дни в областях и краях. Результаты докладываются Брежневу по телефону на дачу. Например, 3 июня 1981 г. секретарь Суходольский «по поручению Л. И.» позвонил в города Курск, Тулу, Орел, Кострому, Новгород, Белгород, Барнаул, Оренбург, Харьков, Тамбов, Калугу, Липецк, Ульяновск, Горький, Воронеж. Полученные сведения о выпавших осадках, о запасе влаги в почве, о состоянии озимых и яровых культур были доложены Брежневу и по его указанию разосланы членам Политбюро. 6 июня уже секретарь А. Кечин перезвонил в 19 областных городов черноземной и нечерноземной зоны с целью получения сведений о состоянии посевов и прошедших дождях. На следующий день, в воскресенье 7 июня, Брежнев лично перезвонил в приемную Кремля, чтобы получить сведения, собранные Кечиним. Сведения о погодных условиях и состоянии посевов пересылаются секретарями утренней и вечерней почтой не только на дачу в Заречье, но и в Завидово, что в это время было редким явлением.

Предпринятая акция принесла свои плоды: с середины июня 1981 г. первые секретари наперебой старались сами позвонить в приемную Брежнева и доложить о «состоянии на местах» с зерновыми и погодными условиями, не дожидаясь звонков брежневских секретарей. Осенью обзвон областей возобновился: теперь ждали рапортов об урожаях и докладов первых секретарей. Так, к примеру, 22 октября 1981 г. секретарь Краснодарского крайкома КПСС С.Ф. Медунов просил лично доложить генсеку о «выполнении плана по сдаче зерна», что было тут же сделано [10, с. 1063].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

7 ноября 1982 г., выполняя свои обязанности главы партии и государства, Брежнев простоял несколько часов на морозном ветру на Мавзолее, а на следующее утро по традиции уехал на охоту в Завидово. 9 ноября 1982 г., в свой последний рабочий день в Кремле, Брежнев дважды вызывал к себе референта Г.А. Дорошину, «работал с документами», принял Андропова и переговорил по телефону с министром внутренних дел Н.А. Щелоковым. 10 ноября 1982 г. секретарь Алдохин занес в дневник брежневской приемной самую короткую запись за все годы его работы: «10 ноября, среда: Л[еоида] И[льича] – нет» [10, с. 1119]. В медицинском заключении о причине смерти Брежнева констатировалось, что 10 ноября 1982 г. между восемью и девятью часами утра у него произошла «внезапная остановка сердца» [4, с. 612].

В любом государстве здоровье политического лидера является важным фактором функционирования государственной машины. Что же касается авторитарной власти, «замкнутой» на конкретную личность, то физическое здоровье этой личности приобретает огромное значение. Брежнев пришел к власти обремененным целым грузом болезней и нездоровых привычек – курение, недосыпание, малоподвижный образ жизни и т.д. Однако, несмотря на это, в первое десятилетие нахождения во главе Советского Союза он много и активно работал. Последние семь лет правления характеризуются резким ухудшением здоровья генсека и соответственно перемежающимися затуханиями и всплесками работоспособности Брежнева. Несмотря на то, что советская бюрократия в целом компенсировала «пробуксовки» и даже временный выход из строя главного «элемента» партийно-государственной машины – персоны Леонида Брежнева, специфический механизм власти в СССР, начиная со второй половины 1970-х гг., все чаще давал сбои. Заняв практически пожизненно пост главы государства и руководителя общественно-политического строя, фактически не имевшего механизмов легальной смены власти, кроме смерти предшественника, больной и дряхлеющий Брежнев был вынужден трудиться «на износ» и оставаться «вождем» вплоть до своего конца, в том числе и ценой наркотизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. М.: Историческая литература, 2016. Т. 1: Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1982 гг. / под ред. А.Н. Артизова, В. Деннингхауса, Н. Катцера и др. 1024 с.
2. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. 231 с.
3. Семанов С.Н. Брежнев: правитель «золотого века». М.: Вече, 2002. 400 с.
4. Млечин Л. Брежнев. М.: Молодая гвардия, 2008. 624 с.
5. Чазов Е. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М.: Новости, 1992. 224 с.

6. Хрущев С. Никита Хрущев: Пенсионер союзного значения. (Трилогия об отце). М.: Время, 2010. 320 с.
7. Карпов В.В. Расстрелянные маршалы. М.: Вече, 1999. 480 с.
8. Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. М.: Историческая литература, 2016. Т. 3: Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1944–1964 гг. / под ред. А.Н. Артизова, В. Деннингхауса, Н. Катцера и др. 1072 с.
9. Медведев В. Человек за спиной. М.: Русслит, 1994. 316 с.
10. Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. М.: Историческая литература, 2016. Т. 2: Записи секретарей Приемной Л.И. Брежнева. 1965–1982 гг. 1232 с.
11. Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М.: Новости, 1991. Кн. 1. 336 с.
12. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991. М.: РОССПЭН, 2008. 1048 с.
13. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева. М.: Междунар. отношения, 1994. 304 с.
14. Прибытков В. Аппарат. СПб.: ВиС, 1995. 224 с.
15. Деннингхаус В., Савин А.И. «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то “Знак Почёта” попадает». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история, 2014. № 2. С. 127–149.

REFERENCES

1. Brezhnev L. I. Work and diary entries: in 3 volumes, Moscow, Historical Literature, 2016, vol. 1: Leonid Brezhnev. Work and diary entries. 1964–1982 / Ed. A. N. Artizov, V. Doenninghaus, N. Ketzer et al., 1024 p. (In Russ.)
2. Khlevnyuk O. V., Gorlitsky J. Cold World: Stalin and the end of the Stalinist dictatorship. Moscow, ROSSPEN, 2011, 231 p. (In Russ.)
3. Semanov S. N. Brezhnev: ruler of the Golden Age. Moscow, Vechе, 2002, 400 p. (In Russ.)
4. Mlechin L. Brezhnev. Moscow, Molodaya gvardiya, 2008, 624 p. (In Russ.)
5. Chazov E. Health and power. Memories of the “Kremlin doctor”. Moscow, Novosti, 1992, 224 p. (In Russ.)
6. Khrushchev S. Nikita Khrushchev: pensioner of the Union significance. (Trilogy about the father). Moscow, Vremya, 2010, 320 p. (In Russ.)
7. Karpov V. V. The executed marshals. Moscow, Vechе, 1999, 480 p. (In Russ.)
8. Brezhnev L. I. Work and diary entries: In 3 volumes. Moscow. Historical Literature, 2016, vol. 3: Leonid Brezhnev. Work and diary entries. 1944–1964 / Ed. A. N. Artizov, V. Doenninghaus, N. Ketzer et al., 1072 p. (In Russ.)
9. Medvedev V. The man behind his back. Moscow, Russlit, 1994, 316 p. (In Russ.)
10. Brezhnev L. I. Work and diary entries. In 3 volumes. Moscow, Historical Literature, 2016. Vol. 2: Notes of the receptionist of L. I. Brezhnev. 1965–1982, 1232 p. (In Russ.)
11. Medvedev R. A. Personality and era. Political portrait of L. I. Brezhnev. Moscow, News, 1991. Bk. 1, 336 p. (In Russ.)
12. Chernyaev A. S. Common outcome. Diary of two eras, 1972–1991. Moscow, ROSSPEN, 2008, 1048 p. (In Russ.)
13. Alexandrov-Agents A. M. From Kollontai to Gorbachev: memoirs of a diplomat, an adviser of A. A. Gromyko, assistant to L. I. Brezhnev, Y. V. Andropov, K. U. Chernenko and M. S. Gorbachev. Moscow, Intern. relations, 1994, 304 p. (In Russ.)
14. Pribytkov V. Apparatus. Saint Petersburg, ViS, 1995, 224 p. (In Russ.)
15. Doenninghaus V., Savin A. I. “Look, even some Many and Tanya got themselves a “Badge of Honor”. Brezhnev’s industry of decorations and soviet society. Rossiyskaya istoriya, 2014, no. 2, pp. 127–149. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.07.2021

Дата рецензирования 22.07.2021

Статья принята к публикации 30.07.2021